

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.97

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ СЕМЬИ КАК ФАКТОР ПРЕСТУПНОСТИ

Павел СЕРДЮК,

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела разработки и внедрения инновационных методик организации и управления в органах прокуратуры
Научно-исследовательского института
Национальной академии прокуратуры Украины

АННОТАЦИЯ

До сегодняшнего дня накопилось немало противоречивых оценок, которые диссонируют с существующими фактами о роли семьи как сдерживающего средового условия для развития послушного праву и морали поведения человека, и, напротив, дисфункциональная семья представляется как сильно коррелирующее условие для развития преступного поведения у выходцев из такой семьи. В этом исследовании представлены факты, которые заставляют по-новому посмотреть на вопрос и прийти к выводу, что семья мало влияет на преступное (непреступное) поведение человека в качестве самостоятельного фактора или условия.

Ключевые слова: неблагополучная семья, неполная семья, несовершеннолетние преступники, полная семья, преступность, пьянство.

DYSFUNCTIONALITY OF A FAMILY AS A CRIME FACTOR

Pavlo SERDIUK,

Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department for the Development and Implementation of Innovative Methods of Organization and Management in the Prosecution Authorities of the Research Institute of the National Prosecution Academy of Ukraine

SUMMARY

To this day, many contradictory assessments have accumulated which discord with existing facts about the role of the family as a deterrent environmental condition for the development of human behavior obedient to law and morality, and vice versa, a dysfunctional family viewed as strongly correlating the conditions for the development of criminal behavior among people from such family. This study presents the facts that make a new look at the question, and come to the conclusion that the family has little effect on the criminal or inaccessible behavior of a person as an independent factor or condition.

Key words: crime, drunkenness, dysfunctional family, full family, juvenile offenders, single-parent family.

Постановка проблемы. Существующие многие десятилетия убеждения, что семейные ценности, полная семья и семейное воспитание детей являются добрым залогом для того, чтобы вырастить послушного государству, обществу, церкви, работодателю исполнителя повелений, который будет выполнять то, что от него ожидают, и ропот его будет тих и ненавязчив. Но эти убеждения не выдержали проверку фактами, и дети из неполных семей уже не в группе риска [1, с. 137].

Так называемая «дисфункциональность семьи» как фактор преступности несовершеннолетних, а в последствии и выросших во взрослых преступников, по сути, сводится к двум иным детерминантам. Одна из них включает материальное обеспечение. Семья рассматривается как источник удовлетворения материальных потребностей ребенка. Сюда входят простые потребности: еда, кров, одежда, игрушки, сладости, развлечения и предметы социального успеха, включающие модные смартфоны, мощные компьютеры и другое. Это самостоятельный фактор, и рассматривать его в контексте семьи просто удобно, поскольку дети несамостоятельны в этом вопросе. Однако же это не делает «дисфункциональную семью» в этом смысле особым фактором преступности. Вторая составля-

ющая включает эмоциональную и интеллектуальную компоненту. Семья обеспечивает соответствующее развитие, а если мать и/или отец жестоки и безучастны к детям, то последние становятся агрессивными, склонными к отклоняющемуся от норм поведению [2, с. 109–110]. И эта часть влияния – тоже не самостоятельный фактор, ибо эмоциональная ригидность и нравственная черствость, которые выделялись криминологами 1800-х гг. как вполне самостоятельные факторы, надлежащей проверке не подвергались.

Актуальность темы исследования. Количество работ на эту тему столь обширно, что упомянуть все нет возможности, а упомянуть часть – нет необходимости. Необходимость бы в этом была, если бы хоть одна публикация поставила под сомнение общепризнанные верования в силу «благополучной семьи», выходцы из которых гарантированные послушные граждане и работники. Но, увы, факты говорят о том, что исследователям следовало бы достать из своих чертогов разума заточенный скепсис и посмотреть на вопрос так, как на него в действительности падает свет.

Целью статьи является предоставление ряда доказательств того, что полная или неполная семья, функциональная, как её понимает большинство, семья или

дисфункциональность семьи не являются факторами, которые сами по себе обуславливают или не обуславливают криминальное поведение выходцев из неё.

Изложение основного материала. Грань между поведением детей, лишённых родителей или одного из них, стёрта. И теперь вероятность того, что дитя из неполной семьи или лишённое семейного воспитания совершит преступление, даже ниже, чем у ребёнка из полной семьи.

Есть, конечно же, конструкция «неблагополучной семьи», где взрослые проводят дни и ночи в пьяном угаре, бывшие уголовники, которые не стесняются своего криминального досье, живут в постоянных скандалах, супружеских изменах и т.п. Сложность состоит в том, что необходимые цифры берут из судебной статистики, а на Украине так называемые «неблагополучные семьи» – это оценочное понятие, которое в юридической статистике вообще не фигурирует. Судебная статистика представляет собой бутылочное горлышко, результат, который существенно уменьшен по сравнению с количеством выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления. Но делать нечего, иных данных просто нет. С другой стороны, судебная статистика – всё-таки некая выборка, показывает хотя бы тенденцию, пригодную для того, чтобы вычислить вероятности.

На Украине в 2017 г. 39,4% детей жили в неполных семьях. Преимущественно они были лишены отцовского воспитания, поскольку суды в более чем 90% случаев оставляют детей под опекой матерей. Потому проверка того, какова вероятность совершения преступления несовершеннолетним, живущим с матерью-одиночкой или живущим с отцом-одиночкой, будет однозначно склоняться к тому, что матери-одиночки чаще будут сталкиваться с преступным поведением своих детей, но только потому, что пропорции неодинаковы. Для чистоты результата нужно взять по сотне или тысяче семей с матерью-одиночкой и отцом-одиночкой и определить в них долю детей-преступников.

Подобное исследование было проделано в советские 1970-е гг. Результат однозначно указывал, что подростки, проживающие с отцом-одиночкой, проявляют меньше криминальной активности по сравнению с теми, кто остался на попечении матери. Подростки-правонарушители в 77,2% жили в полных семьях. А законопослушные подростки из контрольной группы, проживающие в полных семьях, составляли 89,7%. То есть детей из неполных семей было 10,3%, что на 29,1% меньше, чем в наши времена. Но маховик обесценивания патриархальной семьи раскручивался всё быстрее. Подростки-правонарушители, проживающие с одной матерью, составляли 22,5%, а среди законопослушных – 9,3%, что даёт разницу в 13,2%, или на $\frac{1}{2}$. Подростки-правонарушители, проживающие с одним отцом, составляли 0,3%, среди законопослушных – 1,5%, что даёт разницу в 1,2%, или на $\frac{3}{4}$ [3, с. 11]. Если принять во внимание, что детей, остающихся с одним отцом, меньше, чем детей с матерью, разница в их криминальной активности более заметна. Таким образом, отцы лучше влияют на поведение детей.

В советской империи неблагополучными семьями считали, как правило, алкоголизованные семьи, в которых родители редко появлялись в реальности, не будучи в пьяном угаре. Дети в таких семьях сами приобщались к пьянству, хотя и в своих компаниях. Разумеется, что средств на детские желания в таких семьях не было. Данные по 1987 г. в двух областях на Урале показывали 64,5% преступности среди подростков из неблагополучных семей. При том, что неполных семей в то время наблюдалось куда меньше, чем ныне. Такие подростки совершали преступления в большинстве случаев, будучи пьяными, а точнее, 62% из них

уже активно употребляли алкоголь [4, с. 9–10, 14]. Примечательно, что в другой культуре и на 20 лет раньше был такой же показатель в 64,3% [5, с. 14]. Объяснения большей криминальной активности детей из таких семей вращались вокруг нехватки воспитания в добрых нравах, но этот тезис так и не получил хотя бы попыток эмпирического подтверждения и спекулятивно постулировался.

Предшествующие исследователи этого вопроса, находясь в плену у социально одобряемых стандартов, упрямо не замечали, что даже семья добрых нравов – не залог послушного государству и обществу поведения её членов. Посмотрев на таблицу 1, можно увидеть долю преступников, выходцев из неблагополучных семей, где в чести пьянство, драки, грубость и неуважительное отношение друг к другу (табл. 1).

Таблица 1
Осуждённые из неблагополучных семей по видам преступлений в 1974 г.

Осуждённые за:	Неблагополучные семьи (%)
хулиганство	23,4
убийство	31
нанесение телесных повреждений	26
кражи	19
другие хищения	14,8

Очевидно, что доля преступников далека даже до половины тех, кто совершают такие преступления, проживая в благополучных семьях [6, с. 35]. А каков удельный вес неблагополучных семей во всех семьях того периода? Средние оценки демонстрируют, что доля неблагополучных семей составляла 8,3%. Если сопоставить доли, то получится, что 76,6% всех хулиганов соответствовало 91,7% благополучных семей. Разница составила 15,1% (91,7%–76,6%), а разница между процентом хулиганов из неблагополучных семей по отношению к проценту неблагополучных семей в общем пуле также составила -15,1% (8,3%–23,4%). Разница между хулиганами из благополучных семей и хулиганов из неблагополучных семей составляла 1, что означает более высокую их криминальную активность. 69% всех убийц соответствовало 91,7% благополучных семей. Разница составила 22,7% (91,7%–69%), а разница между процентом убийц из неблагополучных семей по отношению к проценту неблагополучных семей в общем пуле также составила -22,7% (8,3%–31%). Разница между убийцами из благополучных семей и убийц из неблагополучных семей составляла 1. 74% из всех насильников соответствовало 91,7% благополучных семей. Разница составила 17,7% (91,7%–74%), а разница между процентом насильников из неблагополучных семей по отношению к проценту неблагополучных семей в общем пуле составила также -17,7% (8,3%–31%). Разница между насильниками из благополучных семей и насильниками из неблагополучных семей составляла 1. 81% из всех воров соответствовало 91,7% благополучных семей. Разница составила 10,7% (91,7%–81%), а разница между процентом воров из неблагополучных семей по отношению к проценту неблагополучных семей в общем пуле составила также -10,7% (8,3%–19%). Разница между ворами из благополучных семей и ворами из неблагополучных семей составляла 1. 85,2% лиц, совершивших другие хищения, соответствовало 91,7% детей из благополучных семей. Разница составила 6,5% (91,7%–85,2%), а разница между процентом, совершивших другие хищения, выходцев из неблагополучных семей по отношению к проценту не-

гополучных семей в общем пуле также составила -6,5% (8,3%–14,8%). Разница между теми, кто совершил другие хищения, выходцами из благополучных семей и теми, кто совершили другие хищения, выходцами из неблагополучных семей, составляла 1 (табл. 2).

Не должен смущать тот факт, что процент преступников из неблагополучных семей выше, чем доля таких семей в общем пуле семей. Во всех указанных случаях он выше чем 8,3%. Это может свидетельствовать, на первый взгляд, о большей криминальной активности выходцев из неблагополучных семей, поскольку указывает на большую вероятность совершения ими соответствующих преступлений. Однако чистоту этого вывода омрачает наличие другого факта.

Таблица 2

Осуждённые из благополучных и неблагополучных семей по видам преступлений в 1974 г. (%)

Осуждённые за:	Неблагополучные семьи	Благополучные семьи	Разница между процентом преступников из благополучных семей по отношению к проценту преступников из благополучных семей	Разница между процентом преступников из неблагополучных семей по отношению к проценту неблагополучных семей в общем пуле
хулиганство	23,4	76,6	15,1	-15,1
убийство	31	69	22,7	-22,7
нанесение телесных повреждений	26	74	17,7	-17,7
кражи	19	81	10,7	-10,7
другие хищения	14,8	85,2	6,5	-6,5

Это алкогольная акцентуация выходцев из неблагополучных семей, которая выше, чем у выходцев из благополучных семей. Таким образом, ведущую роль здесь играют не добрые нравы в семье, а процветающие пьянство и праздность. Более 77% выходцев из неблагополучных семей приобщились к выпивке у себя дома и почти половина из них – в присутствии или прямом поощрении и попустительстве родителей [4, с. 50]. А это должно говорить о том, что нельзя учитывать семью как самостоятельный фактор, влияющий на преступность. Для этого нужно исключить алкоголизацию и лишь затем оценивать влияние недобрых нравов и праздность в неблагополучной семье. До 70% несовершеннолетних совершали преступления в нетрезвом состоянии. Это на фоне того, что в ту пору общая доля преступников, совершивших преступления, будучи пьяными, составляла 47% [7, с. 253]. 7 из 10 убийств, 6 из 10 грабежей, 9 из 10 хулиганств совершались пьяными преступниками [8, с. 183], то есть наиболее агрессивные преступники совершали свои деяния, будучи пьяными. Очевидно, что эта разница перевешивает общий показатель и добавляет недостающее звено для понимания большей криминальной активности выходцев из неблагополучных семей. Посему тлетворная роль именно у тех неблагополучных семей, которые подносят стакан с алкоголем к устам своих детей или потворствуют этому. 72% юных алкоголиков были приобщены к пьянству своими родителями [9, с. 57].

Действительно, алкоголизм играет роль самостоятельного фактора преступности [10, с. 58], и его нельзя смешивать с таким явлением, как неблагополучные семьи. Последние продуцируют алкоголизм его членов, но уже алкоголизм выступает на поле преступности как самостоятельный игрок.

Доля детей, живущих в неблагополучных семьях, в 2017 г. на Украине составляла 7,9%, и, возможно, большая часть из этих детей совершили ошутимую часть преступлений из оставшихся 50,5% преступлений. Дело в том, что дети, проживающие вне семьи, живущие в неполных семьях и в социальном учреждении для детей, совершили 49,5% преступлений. Стало быть, оставшаяся часть включает детей из полных благополучных и неблагополучных семей. Вероятность того, что именно дети из неблагополучных семей совершают большую часть оставшегося, невелика, поскольку она противостоит цифре 4 009 297 детей из полных и благополучных семей, а эта цифра даёт большую вероятность.

Вероятность того, что из всех совершивших кражу ребёнок из неполной семьи, вне семьи, детского дома, интерната, совершит кражу, в 2017 г. составляла: $\frac{949}{1927} \cdot \frac{1}{2}$, улы, основываясь на данных судебной статистики. Это не говорит о них как об особой группе риска, поскольку детей из неполной семьи, вне семьи, детского дома, интерната приблизительно половина от всех детей.

Называют два основных механизма влияния семейного неблагополучия на преступное поведение несовершеннолетнего: прямое, то есть активное привлечение к совершению преступления, и не прямое – пассивный пример антиобщественного поведения родителей, создание объективных условий для самостоятельной преступной деятельности несовершеннолетних, в частности путем «выталкивания» их на улицу [11, с. 12]. Но семья может быть опасной не только для несовершеннолетних. Она ещё и среда опасностей для взрослых. Подсчёты показывают, что 25% убийств на Украине в 2017 г. были совершены в отношении родственников и близких людей, с которыми убийцы состояли в любовных отношениях. Они жили, пусть и не всегда в зарегистрированном браке, но вместе, вели совместное хозяйство, вместе пили спиртное. 73% таких убийств совершены в отношении супругов, сожительниц и сожителей, с которыми убийцы были в любовных отношениях. Остальные 27% убитых – дети, родители, братья, сёстры. Четверть убийств из всех убийств говорит о том, что семья и отношения – зона опасности, а не наоборот.

Рассуждения о благополучии и неблагополучии семей представляют собой внешний аргумент, который говорит о том, что не просто семья, а только лишь её некое качество может быть добрым местом для человека.

Сейчас дети из неполных семей, с одной матерью, уже являются нормой. Как таковая, семья уже не существует. От неё остались только внешние контуры. Женщины в большей степени зависят от государства, которое, по сути, выполняет в социальном плане роль её мужа, и в будущем нужно ожидать только ослабление роли традиционной семьи. Патриархальная модель семьи, которая являлась самой здоровой и жизнеспособной формой семьи, фактором выживания любого общества, уже не существует в большинстве развитых стран, в особенности в Европе и Северной Америке.

Ещё не угасли попытки обратить внимание на то, что феминизм используется властными элитами для разрушения семьи и облегчения управления массами [12, с. 27], однако семья была разрушена уже тогда, когда государство наделило женщин правом свободно расторгать брак и отбирать половину (а нередко и больше) имущества мужчины, в приобретении и зарабатывании средств на которое

женщины зачастую участия не принимали. Нужно подчеркнуть, что более 80% женщин инициируют расторжение брака. Государству и экономике это выгодно, так как такой мужчина снова вынужден стремиться зарабатывать средства на жильё, предметы домашнего быта и проч. Тем самым он больше вкладывает сил в экономику и платит налоги.

То, что семья отжила свою эпоху, – факт. Государству это вполне выгодно, потому что оно может управлять мужчинами через их бывших жен через систему алиментов. Мужчины вступают в новые отношения и начинают тратить деньги на новую женщину, таким образом активно вовлекаясь в экономическую жизнь. Сильная семья не выгодна государству, поскольку она автономна, и на неё сложнее повлиять в политическом и экономическом плане. Такой слабый контроль не выгоден любому государству.

Дети, выращенные матерями-одиночками, и дети из семей с доминирующими матерями воспитаны женщинами, а это означает, что из них воспитывали потребителей, ведь женщины – самые активные потребители, и эту модель поведения они передают своим детям.

В такой же жизненной позиции пребывают и мужчины: стремясь угождать женщинам, они тоже становятся на ниву потребительского отношения к жизни, которая приобретает черты потребительской гонки за большее количество ресурсов и обменом их на другие ресурсы.

Этот феномен прозвали консюмеризмом и отмечают, что он играет криминогенную роль. Вот только эмпирически этот тезис ещё не обрёл доказательств [13, с. 85]. Потому это утверждение следует тщательно проверить.

Нужно попутно отметить, что, когда фактор набирает столь масштабные формы, он утрачивает свои обуславливающие силы. В этих количествах уже трудно увидеть особенное.

Разумеется, феминизм, охвативший практически всю планету, должен привести к упадку семьи. Увы, такой феминизм выгоден государству, хотя ни один политик в этом не признается. Напрасны чаяния криминологов, что женщину можно вернуть в семью. Женщине и сегодня выгоден официальный брак, поскольку он даёт ей возможности «золотой акции», ведь суды в большинстве случаев встают на сторону женщины. Но вряд ли можно воссоздать тот тип семьи, который был до 1917 г., когда женщина не могла её разрушить. В восточноевропейских странах женщины являются самыми активными инициаторами разводов, как, впрочем, и вдохновителями заключения браков. Посему вернуться снова под власть мужа женщина вряд ли захочет. Она лишь будет соблюдать внешнюю обрядовость, что мужчина – глава семьи, но без прав, а только с обязанностями главы.

Для того, чтобы снизить женскую преступность, криминологи предлагают: создавать специальные гимназии для девочек, пропагандировать роль жены, воспитывать «мужчин мужчинами», а «женщин женщинами», прекратить демонстрировать образ женщины-предпринимателя, проститутки, воровки и т.п. в средствах массовой информации, развивать духовное воспитание девочек [14, с. 358], что было бы хорошо не только для женщин, но и для мужчин. Раздельное воспитание и воспитание мальчиков учителями-мужчинами могло бы благотворно сказаться и на снижении мужской преступности, в перспективе снизило бы коррупцию. Однако эти мероприятия вряд ли удастся реализовать в обозримом будущем. Даже не берусь гадать, когда это вообще было бы возможно.

Считаю, что нужно пояснить тезис о возможном снижении коррупции. Ещё Э. Шур в книге «Наше преступное общество», говорил, что идея американской мечты, в которой у каждого американца свой дом, несколько машин, приличный счёт в банке, как правило, свое доходное дело,

приводит к тому, что эти аппетиты чаще удовлетворяются нечестным путём [15, с. 37–38]. И все эти аппетиты толкают многих людей к совершению преступлений для достижения этих стандартов счастливой американской жизни. Точно так же женщины-воспитатели, женщины-учителя, кино, книги, игровая индустрия воспитывают мальчиков в духе: женщина – высшая цель и ценность для мужчины. И то же самое происходит в полных и неполных семьях. Посему мужчины стремятся к богатству не ради последующей праздности, или банального доминирования, поскольку мужчина может доминировать и другими способами, а для того, чтобы привлекать женщин своей ресурсностью. Нельзя забывать о законах Бриффолта и гипергамии женщин. Вот и получается, что будущий мужчина воспитывается как стяжатель, чтобы нравиться противоположному полу. Ещё Н.В. Гоголь вложил в уста персонажу простое житейское наблюдение: «Ведь известно, зачем берёшь взятку и покривишь душой: для того, чтобы жене достать на шаль или на разные роброны, провал их возьми, как их называют. А из чего? Чтобы не сказала какая-нибудь подстага Сидоровна, что на почтмейстерше лучше было платье, да из-за нее бух тысячу рублей» [16, с. 182].

Самый лучший и масштабный полигон испытания жизнеспособности теории – эта та реальность, которая сложилась сейчас в странах белого населения. Семейные ценности, которые так истово доят клирики и политики, остались одним из мифов, подкладываемых, как лечебный пластырь для всех социальных болезней, но, увы, семейные ценности сейчас совершенно не влияют на массовом уровне на поведение большинства людей. Не потому что они слабы в этот период развития цивилизации, а просто потому, что крепкая семья на сегодняшний день – это иллюзия, миф, симулякр. Посему и укреплять нечего. Эмансипация сделала свое дело. Женщина свободна от мужчины, а он в семье остаётся в роли добытчика ресурсов, который практически ничего не решает, а коли что, то женщина бежит за защитой к государству, и именно государство является, по сути, её мужем. В таком случае у мужа нет авторитета, а остаётся лишь роль тяглого мужика. Современный культ детей точно так же оставляет их стерильными перед властью родителей. Именно поэтому дети вне семьи мало отличаются по своему поведению от детей в полной семье.

Выводы. Современные фактические данные и вычисления говорят о том, что семья уже не является средой, где простирается власть родителей, напротив, всё больше детей воспитываются в семьях одной матерью на примерах и ценностях, которые способствуют развитию консюмеризма, слабости в своих принципах, потребительскому отношению к окружающим. Дисфункциональная семья, которая ранее понималась как микросреда, не предоставляющая выходцам из таких семей морального научения и комфортных условий социализации, а посему представляющая собой сильно коррелирующее условие для развития преступного поведения у выходцев из такой семьи, уже не демонстрирует строгих научных доказательств для такого вывода. Стоит по-новому посмотреть на вопрос и прийти к выводу, что семья мало влияет на преступное или не преступное поведение человека в качестве самостоятельного фактора или условия. Но в среде такой семьи, где процветает пьянство, последнее само по себе является самостоятельным фактором преступного поведения человека.

Список использованной литературы:

1. Юзікова Н.С. Злочинність неповнолітніх: особливості, сучасні тенденції та заходи запобігання і протидії їй : монографія. Дніпро : Біла К.О., 2016. 510 с.
2. Хольст Б. Криминология. Основные проблемы : монография. Москва : «Юридическая литература», 1980. 264 с.

3. Дроздов Т.М. Причины и условия, способствующие правонарушениям подростков, работающих на промышленных предприятиях, и меры по их устранению : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12 718. Свердловск, 1971. 24 с.
4. Кормициков В.М. Криминология семейного неблагополучия : монография. Пермь : Кн. изд., 1980. 180 с.
5. Ким Л.С. Укрепление нравственных основ семьи как фактор предупреждения хулиганства и других правонарушений: брошюра. Фрунзе : Издательство «Кыргызстан», 1967. 36 с.
6. Антонян Ю.М. Социальная среда формирования личности преступника (неблагоприятные влияния на личность в микросреде) : учебное пособие. Москва : Редакционно-издательский отдел Академии МВД СССР, 1975. 160 с.
7. Личность преступника. Москва : «Юридическая литература», 1975. 270 с.
8. Чечот Д.М. Социальное зло – алкоголизм. Семья и право : монография. Ленинград : Издательство Ленингр. ун-та, 1988. 216 с.
9. Шишов О.Ф. Алкоголизм – путь к правонарушениям. Москва : Моск. рабочий, 1979. 72 с.
10. Бейсенов Б.С. Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы : монография. Москва : Юрид. лит., 1981. 200 с.
11. Градецька Н.М. Сім'я як суб'єкт запобігання злочинності неповнолітніх : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Запоріжжя, 2010. 24 с.
12. Харламов В.С. Феминизм, как инструмент деструктивного манипулирования в семейной политике. *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. 2017. № 1(44). С. 25–27.
13. Космії О.М. Консюмеризм як чинник злочинності. *Науковий вісник Інституту кримінально-виконавчої служби*. 2014. № 1(5). С. 79–85.
14. Криминология : учебник для бакалавров. Москва : Проспект, 2015. 367 с.
15. Шур Э. Наше преступное общество: Социальные и правовые источники преступности в Америке. Москва : Прогресс, 1977. 326 с.
16. Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 5: Мёртвые души. Поэма. 1959. 576 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сердюк Павел Павлович – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела разработки и внедрения инновационных методик организации и управления в органах прокуратуры Научно-исследовательского института Национальной академии прокуратуры Украины

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Serdiuk Pavlo Pavlovych – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department for the Development and Implementation of Innovative Methods of Organization and Management in the Prosecution Authorities of the Research Institute of the National Prosecution Academy of Ukraine

pp_serduk@i.ua